

Глава 5. Инвестиции

Лу Чжаньфэй не обременял себя долгими объяснениями. Он просто показывал движения перед зеркалом, требуя повторять за ним, и безжалостно штрафовал каждого, кто фальшивил или не успевал. Стоило закончить динамичную связку, как на паркете без сил распластались несколько человек.

Лу Чжаньфэй мазнул взглядом по их именным бейджам и сделал пометки в планшете, лишая бедолаг баллов. Линь Ин огляделся: в зале тренировалось от силы полторы сотни человек. Похоже, вторую половину участников распределили по другим площадкам. Впрочем, нельзя было исключать и банальное опоздание — той же Фан Линьэр и её подруг до сих пор не было видно.

Две минуты на передышку — и музыка зазвучала вновь. На этот раз мелодия лилась плавно и неторопливо. В медленном темпе наружу тут же вылезли огрехи тех, кому не хватало пластики. Скомандовав остальным замереть в текущей позе, Лу Чжаньфэй подошел к отстающим и жестом отправил их в угол зала — на растяжку. Там ими занялись ассистенты, а сам тренер вернулся к группе, исправляя ошибки на ходу. Музыка не прекращалась, перекрывая доносившиеся из угла приглушенные стоны и вскрики. Оставшиеся продолжали плавно двигаться перед зеркалом, словно в каком-то причудливом, мучительном танце.

Тренировка растянулась на три бесконечных часа. Линь Ин не раз мысленно похвалил себя за то, что не стал плотно завтракать, иначе желудок точно вывернуло бы наизнанку. Прежний владелец этого тела оставил ему отличное наследство: великолепную растяжку и крепкую базу. К тому же утренняя разминка Линь Ина помогла разогреть мышцы, так что пока он не чувствовал ни малейшей усталости или боли. Стоявший неподалеку Сюй Мин и тяжело дышавший впереди Чэнь Тао уже едва держались на ногах, хотя на фоне тех, кто просто валялся на полу, они еще смотрелись молодцами.

Спокойствие и легкость движений Линь Ина не укрылись от взгляда Лу Чжаньфэя. Впрочем, таких стойких в зале оставалось около тридцати человек. Если не считать восемнадцати бедолаг, отправленных на растяжку, остальные сто с лишним участников пребывали в разной степени изнеможения.

— У кого остались силы — шаг вперед! Остальные — назад! — скомандовал Лу Чжаньфэй.

Он окинул взглядом двадцать семь человек, вышедших из строя. Трое явно переоценили себя и держались исключительно на упрямстве, едва дыша.

— Этим двадцати семи — по два балла в зачет.

После пятнадцатиминутной передышки тренер заставил всех еще раз повторить медленную связку и только после этого объявил об окончании занятия.

После полудня началась хореография и работа над осанкой. Инструктор Лин Юй ко всем относился ровно, без любимчиков. Спуска никому не давал, а за малейшую провинность гонял нещадно, но в остальном все прошло терпимо.

Вечернее же занятие по вокалу превратилось для претендентов в сущий кошмар. Преподаватель Ло Цинь расставила в музыкальном классе множество инструментов — как классических китайских, так и западных, а на пюпитре разложила нотные тетради. Правила игры оказались жестокими: не знаешь нотной грамоты — минус пятьдесят баллов. Не умеешь играть ни на одном инструменте — еще минус пятьдесят. Для тех, кто не владел ни тем ни другим, долг сразу вырастал до сотни баллов. К концу урока добрых восемьдесят процентов группы ушли в глубокий минус. Линь Ин, к своему счастью, оказался среди уцелевших двадцати процентов.

Пока изнуренные участники зализывали раны в общежитии, в эфир вышел первый выпуск шоу.

Привлекательная внешность Линь Ина мгновенно приковала к себе внимание зрителей. Его манеры и вовсе очаровали женскую аудиторию старшего поколения: у экранов умиленно вздыхали, сокрушаясь, что столь вежливых молодых людей нынче днем с огнем не сыщешь.

В сети быстро поползли комментарии:

«Я сразу запомнила этого Линь Ина! Ну какой же красавчик!»

«Слушайте, а парень умен. Так оригинально обыграл свое имя, что оно само впечатывается в память!»

«Решено, записываюсь в его фан-клуб только ради этой улыбки».

«Жду не дождусь его следующих выступлений. Наконец-то нормальный, живой и солнечный парень на экране».

«А как он подмигнул официанту! Его глаза буквально излучают искры!»

Кадры из столовой, где прозвучала импровизированная «Ода рисовой лапше с куриной ножкой», а также его лекция о превращении пекинской утки в соленую нанкинскую, моментально завирусились. Студенческий стрит-фуд по всей стране спешно бросился переписывать вывески и рекламные слоганы, используя цитаты новоявленного кумира.

Забота Линь Ина о водителе автобуса поздним вечером и его вежливое прощание при выходе на следующий день добавили ему очков в глазах телезрителей. А уж когда показали его утреннюю тренировку, женская часть аудитории дружно затаила дыхание от вида его подтянутой, рельефной фигуры.

Разумеется, не обошлось и без завистников — в сети начали строчить жалобы на то, что Линь Ину выделили слишком много экранного времени. Впрочем, сценарист проекта быстро закрыл рты критикам одним коротким ответом: «А вы бы предпочли два часа смотреть на то, как другие конкурсанты спят?»

Против этого аргумента крыть было нечем. Действительно, пока остальные нежились в постелях, камера фиксировала либо тренировку Линь Ина, либо подготовку наставников к урокам. Тренеры вставали задолго до рассвета, и на этом фоне ленивое поведение некоторых участников, проспавших подъем, вызвало у зрителей волну глухого раздражения. Особенно досталось опоздавшим девушкам, которые, даже не поинтересовавшись, куда все подевались, беззаботно болтали в коридорах или бесцельно слонялись по территории. Лишь когда дежурный администратор жестко скомандовал им построиться и объявил о штрафах за пропущенные занятия, зрители наконец почувствовали себя отмщенными. Режиссер монтажа сработал филигранно и безжалостно. Он пустил кадры изнурительной тренировки, пота и слез трудящихся в зале ребят встык с кадрами праздного шатания опоздавших.

Когда же на экране развернулась сама репетиция, внимание зрителей вновь приковал Линь Ин. Узнаваемый и уже полюбившийся парень двигался в безупречном синхроне с хореографом, вызывая новую волну восхищения. На уроке вокала он к тому же продемонстрировал виртуозное владение гитарой, заставив многих вспомнить безмятежные студенческие годы. А его детская, забавная привычка слегка прикусывать язык от облегчения, когда Ло Цинь объявляла оценки — пусть и без бонусов, зато без штрафов, — окончательно покорила сердца зрительниц постарше. К концу первой серии Линь Ин единолично забрал сорок процентов всех зрительских голосов, оставив жалкие крохи остальным участникам.

Изучив статистику голосования, сценарист тут же поспешил к режиссеру. Тот, недолго думая, размашисто скомандовал:

— В следующем выпуске дать Линь Ину еще больше экранного времени!

Новая серия должна была выйти через неделю. Уместить семь дней напряженной жизни лагеря в двухчасовой хронометраж и без того было сложнейшей задачей, а с новыми директивами руководства операторам оставалось лишь молиться, чтобы Линь Ин за эту неделю не влип в какую-нибудь неприятную историю.

Всю последующую неделю участники провели в режиме непрекращающегося изнурительного труда. Плотный график выжимал из ребят все соки, не оставляя времени даже на полноценный вдох.

Одним из вечеров, сразу после утомительного урока вокала, парни собрались в комнате Сюй Мина. В этой просторной спальне жили пятеро: он сам, Чэн Кэ, Чэнь Тао, Мужун Ту и Лю Шуньда. Остальные пять участников — Ло Мин, Гу Жун Дай, Жэнь Фанькэ, Ци Дайюй и Гу Мин — занимали соседнее крыло.

На сегодняшнем занятии Ло Цинь устроила Мужун Ту жестокий разнос. Слух у парня

оказался, мягко говоря, специфическим — под стать вокальным данным прежнего Линь Ина. Мужун Ту катастрофически не попадал в ноты, за что суровая преподавательница хладнокровно лишила его сразу сотни баллов. Схожие проблемы преследовали его и на хореографии. Если за ближайшие две недели он не научится чувствовать ритм, то гарантированно окажется в числе первых кандидатов на вылет по итогам месяца.

Оценив типаж Мужун Ту, Линь Ин понял, что из парня мог бы получиться идеальный герой для молодежных романтических дорам — этакий утонченный интеллектual с легким налетом меланхолии. Он давно вынашивал планы по созданию собственного агентства, а поскольку сам прошел через горнило реалити-шоу, прекрасно понимал: таланты нужно искать на ранней стадии. Как говорится, закидывай сети шире, а выуживай самое ценное. И он решил протянуть бедолаге руку помощи.

Линь Ин сходил в свою комнату и вернулся с электрогитарой и бамбуковой флейтой. К флейте у него было особое отношение: в прошлой жизни, готовясь к роли бродячего мастера боевых искусств, он буквально влюбился в этот инструмент и посвятил его освоению больше пяти лет. Выходило у него действительно недурно.

То, что Линь Ин мастерски владеет гитарой, ни для кого не было секретом. А вот появление бамбуковой флейты, да еще и его уверенный, профессиональный хват, заставили ребят удивленно переглянуться. На самом деле этот инструмент достался ему от Ло Цинь. После одного из уроков Линь Ин, завороженный изяществом флейты, не удержался и сыграл для преподавательницы небольшую пьесу. Та пришла в такой восторг, что тут же подарила ему инструмент, попутно пожурив за то, что он не продемонстрировал этот навык на прослушивании. Линь Ин лишь смущенно отшутился. Он ведь не мог признаться суровой даме, что в первый день просто оробел под ее ледяным взглядом, а потому сослался на то, что до него уже выступала девушка с флейтой, и он побоялся показаться неоригинальным. Его неловкое оправдание тогда изрядно позабавило операторов — в тот момент он выглядел как совсем еще юный, робкий мальчишка. К слову, на собственные скромные сбережения Линь Ин такую качественную флейту купить бы точно не смог.

Собрав парней в тесный кружок, Линь Ин взял гитару. Постучал по стене, проверяя звукоизоляцию, приглушенно перебрал струны, настраивая инструмент... и вдруг, без всякого предупреждения, выдал взрывной, яростный аккорд. Гитара в его руках словно ожила, запульсировала раскаленным углем. Пальцы стремительно полетели по грифу, рождая дерзкую, взрывную импровизацию в стиле клубного диджей-сета. В прошлой жизни Линь Ин годами выступал в ночных барах; безупречный внутренний метроном и абсолютный слух позволяли ему с ходу сочинять треки, способные за секунды взорвать любую толпу. В те времена владельцу заведения было плевать, запишет ли музыкант эти мелодии на студии — главное, чтобы он оставался на сцене и держал зал.

Бешеный ритм мгновенно подчинил себе пульс присутствующих. Ребята один за другим повскакали с мест, начиная двигаться в такт музыке. Никакой заученной хореографии, никаких пафосных связок — чистый, первобытный драйв. В этой музыке не было слов, но бешеная энергия заставляла сердца биться в унисон. В тесной комнатухе общежития молодые парни устроили настоящую безумную дискотеку. Самому старшему из них едва стукнуло двадцать семь, а младшим был сам Линь Ин — ему только-только исполнилось двадцать два.

Не прерывая игры, Линь Ин краем глаза следил за Мужун Ту. Тот отчаянно пытался поймать долю, но его движения по-прежнему безбожно запаздывали. Неожиданно Линь Ин резко сменил рисунок игры: взрывной драйв сменился хрустальной прохладой, мгновенно отрезвившей разгоряченных парней. Мужун Ту изумленно распахнул глаза, собираясь что-то спросить, но Линь Ин мягким кивком остановил его. Над комнатой поплыли чарующие, знакомые звуки композиции «Сон в лесу».

— Слушай сердцем, — негромко бросил Линь Ин.

Легкий, словно парящий ритм заполнил пространство. Ци Дайюй и Гу Мин, обладавшие самым чутким слухом среди собравшихся, мгновенно растворились в этой мелодии. Остальные же постепенно восстанавливали дыхание после безумной пляски. В отличие от агрессивных клубных битов, «Сон в лесу» дышал первозданной легкостью и покоем. Стоило закрыть глаза, и воображение рисовало картины журчащего лесного ручья, капель росы, срывающихся с листьев, и осторожных, торопливых шагов лесных обитателей.

Спустя шесть минут финальный аккорд растаял в воздухе. Линь Ин без паузы отложил гитару и поднес к губам бамбуковую флейту. Комнату прорезали звонкие, летящие переливы знаменитой пьесы «Весна на Памире». Синьцзянские народные мотивы всегда отличались четким, упругим и заразительным ритмом. Едва вынырнувший из медитативной лесной прохлады Ци Дайюй судорожно схватился за грудь: его слишком чуткое музыкальное восприятие просто бунтовало против столь резкого контраста. Зато Мужун Ту именно в этот момент наконец-то нащупал ту самую ускользающую нить.

К середине пьесы Мужун Ту начал двигаться в безупречном согласии с флейтой.

Когда Линь Ин опустил инструмент, парень еще долго стоял неподвижно, замороженный остаточным эхом мелодии. Зато остальные парни дружно застонали. Обладая куда более развитым слухом, они восприняли этот звуковой аттракцион слишком близко к сердцу — столь яростные эмоциональные качели едва не довели их до тахикардии.

Линь Ин намеренно использовал физиологический трюк: заставил сознание капитулировать перед чистым инстинктом. Мужун Ту просто не успевал анализировать стремительно меняющийся звуковой ряд, что вынуждало его подчиниться диктату ритма на уровне чистых рефлексов. Трюк сработал без осечек. Мужун Ту поймал волну, а вот остальные, став невольными заложниками эксперимента, в шутку набросились на Линь Ина с притворными обвинениями.

В разгар всеобщего веселья дверь бесцеремонно распахнулась, и на пороге возник Тао Фэй.

— Соседи жалуются, что у вас тут форменный содом, — проворчал он, строго оглядывая комнату. — Шум даже до моего кабинета долетел. Что, молодежь, энергия девать некуда, решили под покровом ночи рок-концерт устроить?

Тао Фэй нахмурился, переводя взгляд с Линь Ина, сжимающего флейту, на Ло Мина, который

успел перехватить гитару.

— А ну-ка отставить балаган. Живо по кроватям.

Линь Ин покорно вскинул руки, безмолвно признавая капитуляцию.

Стоявшие в коридоре операторы тихо прыснули в кулаки.

<http://bllate.org/book/20457/2130860>